

22132061

RUSSIAN A: LANGUAGE AND LITERATURE – HIGHER LEVEL – PAPER 1
RUSSE A : LANGUE ET LITTÉRATURE – NIVEAU SUPÉRIEUR – ÉPREUVE 1
RUSO A: LENGUA Y LITERATURA – NIVEL SUPERIOR – PRUEBA 1

Wednesday 8 May 2013 (morning)
Mercredi 8 mai 2013 (matin)
Miércoles 8 de mayo de 2013 (mañana)

2 hours / 2 heures / 2 horas

INSTRUCTIONS TO CANDIDATES

- Do not open this examination paper until instructed to do so.
- Section A consists of two texts for comparative analysis.
- Section B consists of two texts for comparative analysis.
- Choose either Section A or Section B. Write one comparative textual analysis.
- The maximum mark for this examination paper is *[20 marks]*.

INSTRUCTIONS DESTINÉES AUX CANDIDATS

- N'ouvrez pas cette épreuve avant d'y être autorisé(e).
- La section A comporte deux textes pour l'analyse comparative.
- La section B comporte deux textes pour l'analyse comparative.
- Choisissez soit la section A, soit la section B. Rédigez une analyse comparative de textes.
- Le nombre maximum de points pour cette épreuve d'examen est *[20 points]*.

INSTRUCCIONES PARA LOS ALUMNOS

- No abra esta prueba hasta que se lo autoricen.
- En la sección A hay dos textos para el análisis comparativo.
- En la sección B hay dos textos para el análisis comparativo.
- Elija la sección A o la sección B. Escriba un análisis comparativo de los textos.
- La puntuación máxima para esta prueba de examen es *[20 puntos]*.

Выберите Секцию А или Секцию В.

СЕКЦИЯ А

1. Сделайте сравнительный анализ следующих двух текстов. Прокомментируйте сходства и различия в текстах, определив особенности контекста, аудиторию, которой они адресованы, поставленные авторами цели, а также художественные приемы и стилистические особенности текстов.

Текст 1

Когда заслуженный архитектор России Зоя Харитоновна бродит по московским улицам, ее глаза похожи на глаза постаревшего Костика из «Покровских ворот*», наблюдающего за сносом дома, в котором прошла его юность. Москва для Харитоновой — это текст, который она писала всю жизнь: целые улицы и районы — плоды ее мысли, таланта и принципиальной позиции. Теперь в этом тексте все наизусть: запятые перед «но» выброшены, «не» с глаголами соединены, тавтология стала нормой. И даже положение члена экспертно-консультативного общественного совета при главном архитекторе города не дает Зое Васильевне возможности отстоять элементарные нормы грамматики и стиля. Корреспондент «Русского Репортера» решил пройтись по Москве с Харитоновой, чтобы попытаться в этом тексте хоть что-нибудь разобрать.

[...] «Куда ни кинешь глаз, новые здания выскакивают как черт из табакерки, — говорит Зоя Харитоновна. — Вот смотрите, сейчас мы едем вдоль одного из так называемых зеленых лучей. Я в свое время над этим тоже поработала. Зеленые лучи — это такие лесопарковые клинья в центр города, для поступления воздуха. Вот здесь, например, с севера идет Екатерининский парк, Цветной бульвар — и это должно быть непрерывно. А теперь эти клинья застраивают. [...] В центр Москвы с этой стороны теперь просто не попадает кислород». Зоя Харитоновна в ужасе машет рукой. Я спрашиваю, как она отличает хорошую архитектуру от плохой.

— Плохая архитектура — наглая! Когда новое ставится поперек концепции, вопреки заданной гармонии. Харитоновна говорит непрерывно, я даже не успеваю задавать вопросы. По смыслу — все хуже некуда, а интонации уютные, успокаивающие, как будто она каждой фразой хочет сказать, что все еще можно исправить. [...] Что приятно, Харитоновна не категоричный консерватор, настаивающий на том, что в Москве ничего нельзя менять. [...] Вандализм рождается там, где исчезает настоящая красота.

Юлия Вишневецкая, Отрывок из журнальной статьи *Над пропастью в Москве (Прогулки по большому городу с человеком, который знает, как его спасти)*, Русский репортер (2010)

---

* Покровские ворота: популярный российский фильм

Текст 2

Я в первый раз посетил Кушелевку, и в это первое мое посещение меня больше всего поразила Руина*. Это была одна из тех затей, в которых [...] выразилась мечта о средневековье. [...] Когда мы в 1877 году поселились в Кушелевке, я первым делом попросился на Руину, но оказалось, что Руины больше нет; ее пришлось снести под какие-то сараи для пивных бочек, и мне кажется, что именно тогда я в первый раз понял (не зная самого слова) ужас художественных вандализмов. Я даже возненавидел своего кузена Жюля, по распоряжению которого совершился этот чудовищный поступок, погубивший то самое, что в памяти у меня осталось, как чудесный сон.

Наше поколение, заставшее еще массу пережитков прекрасной старины и оказавшееся в то же время свидетелем начавшейся систематической гибели этой старины под натиском новых жизненных условий (и теорий), не могло не воспитать во мне какую-то особую горечь при виде совершавшегося процесса, находившегося в связи со все большим измельчением жизни. Все на свете подчинено закону гибели и смены. Все старое, отжившее и хотя бы распрекраснейшее должно в какой-то момент уступить место новому, вызванному жизненными потребностями и хотя бы уродливому. Но видеть, как распространяется такая гангрена, и особенно присутствовать при таком моменте, когда гангрена только еще чего-либо коснулась, когда обреченное тело в целом кажется еще здоровым и прекрасным, – видеть это доставляет ни с чем не сравнимое огорчение. Подобные ощущения чего-то бесконечно печального и жалкого, испытанные мной в детстве, оставили глубокий след на всю жизнь. Они, несомненно, предопределили мой исторический сентиментализм, а косвенно мои «кушелевские настроения» сыграли свою роль в образовании того культа прошлого, которому в начале XX века со мной во главе отдавалась значительная группа художественных деятелей, ставящих своей целью убережение исторических и художественных ценностей.

Александр Бенуа, «Кушелевка», Отрывок из *Мои воспоминания* (1990)

---

* Руина: искусственные развалины замка

СЕКЦИЯ В

2. *Сделайте сравнительный анализ следующих двух текстов. Прокомментируйте сходства и различия в текстах, определив особенности контекста, аудиторию, которой они адресованы, поставленные авторами цели, а также художественные приемы и стилистические особенности текстов.*

Текст 3

Как мой дом опустел, все уехали, дом обезлюдел,
в нем так неуютно теперь,
непривычно и странно.
Нынче спать лягу рано, и буду лежать неподвижно
5 и слушать, как тикают стрелки
и медленно падают капли из крана.
Удивительно, как изменяются вещи,
то вдруг совершенно ненужными нам становясь,
то, напротив,
10 глядишь —
и дороже тебе, и нужнее,
и другое совсем обретают значенье и вес,
будто ты их увидел впервые,
и вот уже смотришь нежнее.
15 Стол и стул, и кровать, полотенце и кружка, часы
и все прочие вещи
сегодня другого исполнены смысла
и стали иными, чем прежде.
Выразительный жест одиночества вдруг проступает
20 отчетливо
в этой недвижно висящей на стуле
забытой одежде.
Подойдешь и поправишь, погладишь рукою,
на краешек стула присядешь,
25 устав от пустого шатанья.
Словно это не дом, а вокзал или зал ожидания,
где нет никого,
лишь одни ожидания,
одни ожидания.
30 И уносится ветром попутным куда-то все дальше
летающее мимо
транзитное облачко дыма,
и проносятся мимо мои поезда, все проносятся мимо,
проносятся мимо.

Юрий Левитанский, из книги стихов *Окно, горящее в ночи* (2011)

Текст 4

Подобно ребенку на рождественской елке, каждому человеку при рождении в обязательном порядке вручаются дары, с которыми он волен поступать по своему усмотрению. Первый он получает из рук Природы. Это — дар обособленного бытия, обретаемый в тот самый миг, когда рвется пуповина — последняя материальная связь с материнским телом. В этот самый миг человек обретает одиночество. Второй, следующий за первым — из рук (уст, глаз, ушей) всех людей, с которыми сводит и сталкивает жизнь. Это — ощущение достоверности собственного бытия.

[...] Обыденное сознание понимает одиночество как социальную изоляцию, как своего рода духовную кончину. [...] Одиночество становится бедствием и проклятием, когда оно неправильно понято и истолковано. А между тем личность — это одиночество, которому круг людей, его окружающих, придает определенность формы бытия. [...] Человек [...] пользуется словом «одиночество» для того, чтобы поделиться ощущением неподтвержденности своего бытия. Если бы он постарался найти точное слово для обозначения причины своих тревог и депрессий, то это было бы вовсе не «одиночество», а оставленность, забытость, покинутость, незамеченность, невнимание, — иначе говоря, неподтвержденность. Но это — совсем другое дело. Ибо одиночество — наше естественное состояние, тогда как неподтвержденность, как бы мы ее ни называли, — разрушение бытия и нарушение естественного хода вещей.

[...] Одиночество и покинутость — вещи не только разные, но и враждующие между собой. Чувство покинутости — нечто вроде болезни, мешающей осознанию одиночества. Чувство покинутости появляется тогда, когда вы бежите от одиночества, когда вы не готовы принять его. Если вас тревожит одиночество, [...] постарайтесь увидеть полноценного собеседника в себе самом. [...] Человек, назвавший себя одиноким, достоин не сострадания, а белой зависти сорадования, ибо это значит, что он пришел к осознанию реальности своего бытия и обрел безграничный простор для созревания и развития. Так что не спеши сострадать, когда ближний твой объявил себя одиноким; и не жди сострадания, когда признаешь одиноким самого себя.

[...] Учись общению с собой. Оно поможет тебе отказаться от привязанностей и найти среди людей любовь. Люби себя. Не жалея на себя ни сил, ни времени, ни денег, ни трудов. Это и есть твой бесценный дар ближнему. Ибо сказано: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Как возлюбишь ты ближнего своего, если не полюбил себя?

А У Хараша, Отрывок из журнальной статьи *Вдвоем с самим собой*, Знание – сила (1994)